

В рукописной традиции стихотворный текст повести сохраняется довольно устойчиво: видимо, самая стихотворная форма в данном случае несколько сдерживала переписчиков, и варианты ограничиваются большей частью пропусками или вставками отдельных слов, изредка незначительными изменениями отдельных выражений или рифм. В этих вариантах никакой плановости отметить нельзя. Но дальнейшая судьба этой стихотворной редакции чрезвычайно ярко показывает разницу условий, в которых бытовала в XVIII в. рукописная и печатная литература.

Занимательная повесть, с установкой на «смехотворность» сюжета, а не поучительность его, в рукописных текстах смело пользуется, как одним из приемов достижения комического эффекта, неуместными в устах наших героев цитатами из св. писания. Эти цитаты не объединяются, как в прозаической повести, одним замыслом — подчеркнуть формальный способ их истолкования, — но они разбросаны по всему тексту, когда лиса особенно выдвигает свою роль исповедницы и переходит к обличению, а кур скорбит о своих грехах. В отрывках бытового характера эти цитаты исчезают. В рукописной традиции эти цитаты держатся прочно и мирно уживаются, вплоть до конца века, рядом с выражениями типа — «а что тебе сказал некоторы бес толко дуброву да лес» и т. п. Но в 1790 г. издатель печатного сборника «Старичок-Весельчак», самое заглавие которого показывает цель подобного издания, задумал ввести туда и стихотворную повесть о куре и лисице. Первое впечатление, что печатный текст — это тот же рукописный, только несколько сокращенный. Однако, если мы взглядем в эти сокращения, то увидим, что цель их далеко не всегда ограничивается устранением излишних длиннот: плановность исключения отдельных мест выступает вполне отчетливо, и за ней ясно видны те требования, которые предъявлялись к печатным изданиям еще до учреждения правильной цензуры.

До 1796 г., когда возникла цензура как специальное учреждение, уже существовали правительственные указы, регулировавшие право издания книг. Так, в 1771 г. Гартунгу было разрешено печатать книги, «кои непредосудительны ни христианским законам, ни правительству, ниже добронравию».¹ В 1783 г. это свидетельство книг, печатающихся в частных типографиях, было возложено на Управу благочиния, «с наблюдением, чтобы ничего в них противного законам Божиим и гражданским или же

¹ В. Н. Рогожин. Материалы для русской библиографии XVIII и первой четверти XIX вв., т. I. Дела московской цензуры в царствование Павла I, вып. 1, 1797 г. СПб., 1903, стр. V—VII, Об. ОРЯС Акад. Наук, т. 72.